

Глава 31. Встреча под луной на яшмовой террасе

Ичжоу, расположенный вблизи стратегически важных земель, страдал от постоянных наводнений. В прошлом чиновники уже вскрывали дамбы на реке Цзючжоу, чтобы затопить провинцию, а местные жители, в свою очередь, нередко прорывали их для орошения полей. В результате ветхие укрепления не выдерживали напора стихии и разрушались до основания.

Жун Цунцзинь мог бы, подобно предыдущему наместнику Ичжоу, издать строжайший указ, запрещающий любые манипуляции с дамбами, но он понимал, что запреты — не решение. Вместо этого, при проектировании нового русла, он учёл эту проблему. Теперь верховья Цзючжоу обходили город, исключая угрозу затопления. В низовьях же, где течение становилось спокойнее, он распорядился установить водосбросные шлюзы. Стоило их открыть, и вода сама орошала поля, избавляя крестьян от изнурительного труда.

Крупные каналы сделали судоходными, что значительно облегчило передвижение по воде.

Шлюзы, будучи каменными, были распределены между деревнями и уездами. Местные власти должны были ежегодно проверять их состояние. Если шлюз вблизи какой-либо деревни оказывался повреждён, ответственность несли и староста, и уездный начальник. Так, бесхозные ранее сооружения обрели хозяев. А поскольку от них напрямую зависело благополучие людей, Цунцзинь был уверен, что за шлюзами будут тщательно следить.

Один из уездов в низовьях, по имени Цигу, издревле славился богатыми урожаями. Даже в голодные годы его амбары были полны, не говоря уже о дождливых сезонах. Местность была зажиточной, уездный правитель исправно исполнял свой долг, и во всех деревнях царил порядок. Дома здесь строили из прочного синего кирпича на крепком фундаменте. Большинство жилых зданий, таверн и улиц уцелели во время наводнения. Как только вода спала, жители Цигу смогли вернуться в свои дома.

Изначально, по замыслу Жун Цунцзиня, река должна была протекать через город. Но, приняв во внимание, что со временем вода размочит берега и расширит русло, вновь подвергая Цигу угрозе затопления, он решил изменить план. Русло Цзючжоу перенесли на пятнадцать ли в сторону, обойдя город и подарив его жителям мирную и спокойную жизнь.

Золотые орлы, вестники двора, прилетали и улетали, а работы по восстановлению русла близились к завершению. В сущности, это было не просто восстановление — реку Цзючжоу проложили заново, следуя замыслу Жун Цунцзиня. Водное русло преобразилось. Используя особенности ландшафта, удалось сэкономить немало сил. Новое русло, пролегая вдоль гор и рек, было настолько удачным, что, если не случится непредвиденного, река не изменит своего течения в ближайшие несколько сотен лет. Это был труд на века.

— Господин Цун, — староста деревни Пинпу, сгорбившись, поднялся на холм и, подойдя к Жун Цунцзиню, почтительно поклонился.

— Что-то случилось? — Жун Цунцзинь убрал выбившуюся прядь волос за ухо. — Рабочие, что

строят дома, повздорили с вашими людьми?

— Нет, — замахал руками староста. Несколько дней назад русло реки в окрестностях их деревни было восстановлено. Вода отступила, земля подсохла, и началось строительство. — Рабочие усердны, да и наши молодые ребята, закончив на реке, вернулись помогать. Дней через пять-шесть, думаю, закончим. Дома теперь из синего кирпича будут, покрепче прежних.

— Я осмотрел поля, ещё можно успеть посадить урожай. Голодными в этом году не останемся.

— Так в чём же дело? — спросил Жун Цунцзинь.

— Если бы не вы, в нашей деревне никто бы не выжил. Даже дети погибли бы.

— Мы тут посоветовались... хотим построить для вас храм вечной жизни. — Старик с седыми волосами и бородой смущённо улынулся и поклонился ещё ниже. — Правда, предложить нам особо нечего. Да Нью уже присмотрел ровное место на заднем склоне горы. Мы возведём там небольшой храм и будем днём и ночью возжигать благовония, моля небеса о вашем благополучии.

— Только вот имени вашего мы не знаем, — наконец объяснил он причину своего прихода.

— Не нужно, — мягко отказался Жун Цунцзинь. — Ваше возвращение к мирной жизни, к земледелию — вот моя главная награда.

Но староста настаивал. Он даже показал чертёж, нарисованный местным умельцем. Храм и впрямь был крошечным, и если бы за дело взялись деревенские мужчины, управились бы за день-два.

— Вы, верно, скоро покинете Ичжоу. Дайте нам хоть как-то вас отблагодарить, — взмолился старик. — Это решение всей деревни. Если я не справлюсь, то перед людьми стыдно будет, старое лицо потеряю.

Сердце Жун Цунцзиня дрогнуло. Он помог старосте выпрямиться.

— Мне не нужен храм вечной жизни. Но мой супруг... он слаб здоровьем. Если хотите, постройте маленький храм и молитесь о его благополучии.

— Вы... — Староста изумлённо посмотрел на него, внимательно вглядываясь в черты его лица. Шуаны обычно были хрупкого телосложения, чуть выше женщин, но Жун Цунцзинь был строен, высок и обладал благородной осанкой. Он совсем не походил на шуана, разве что черты его лица были мягче и красивее, чем у обычного мужчины.

— Моего супруга зовут Чжао, — с неизменной улыбкой произнёс Жун Цунцзинь и тщательно, черта за чертой, написал на ладони старика этот иероглиф.

Гу Чжао остался в Ванцзине, в самом центре дворцовых интриг. Их положение, казавшееся со стороны блестящим и прочным, на деле было шатким. Будущее Гу Чжао зависело от того, как сложатся ближайшие несколько лет. А вспоминая прошлую жизнь... да, ему определённо не помешает толика удачи.

— Не беспокойтесь, господин, — староста сжал ладонь и торжественно кивнул.

— Господин, — Цинь Чжэн, поравнявшись со старостой, отдал честь. — В шестнадцати уездах восстановление домов завершено. Рабочие переведены на другие участки.

— Хорошо. Остальные уезды будут восстановлены в ближайшие дни. Земля распределена? — кивнул Жун Цунцзинь.

— Согласно вашему указу, каждому человеку, независимо от пола и возраста, выделено по два му поливных и два му богарных земель. Прежние земельные записи также сохранены для распределения, — доложил Цинь Чжэн с ещё большим почтением. Восстановление русла реки подарило им обширные плодородные земли, на которые уже положили глаз многие помещики, но Жун Цунцзинь отдал их простым людям.

— Сколько серебра осталось?

— Из поместья администратора Ичжоу было конфисковано антиквариата, картин, золота и нефрита на сумму в двести тысяч лянов серебра. На восстановление русла и домов уже ушло сто пятьдесят тысяч. — Цинь Чжэн выжидательно посмотрел на него. — Следует ли запросить указ из Ванцзина?

Император Цзяньюань редко выделял дополнительные средства на ремонт речных дамб. Но за эти дни, находясь рядом с господином, Цинь Чжэн своими глазами видел, какими стали новые укрепления. После завершения работ расходы на их поддержание в течение десятков лет будут меньше, чем тратилось за один год на старые. Возможно, Его Величество и выделит им средства на завершение проекта.

— Пора разобраться и с помощником наместника Ичжоу, — пробормотал Жун Цунцзинь, задав ещё несколько вопросов.

— Мои люди уже собраны, — склонил голову Цинь Чжэн.

Быстрые кони домчали их до города. Помощник наместника, получив известие, уже встречал их у ворот. Жун Цунцзинь, с хлыстом в руке и в узорчатых сапогах, с улыбкой спешил и лично помог чиновнику подняться.

— Прошу в павильон Сунцзянь для беседы.

— Господин столько дней трудился не покладая рук, жители Ичжоу видят вашу заботу. Когда вы вернётесь в столицу, мы непременно напишем прошение о вашей награде, дабы таланты ваши не остались незамеченными, — расплылся в улыбке помощник наместника.

Служанки господина Цун уже паковали вещи. Восстановление рек и домов в уездах подходило к концу. Значит, скоро он вернётся в Ванцзин, и тогда Ичжоу станет его вотчиной. Даже если пришлют нового Лю Цюаньлиня, он всё равно будет ему подчиняться.

После первой попытки покушения они жили в постоянном страхе, но господин Цун, казалось, и не думал мстить. Напротив, он во многом полагался на них в делах Ичжоу. Попав в такую зависимость, они не смели ему перечить, и между ними установилось шаткое равновесие.

Жун Цунцзинь с лёгкой улыбкой достал из рукава счётную книгу.

— Господин провёл в Ичжоу более десяти лет. Даже из средств, выделенных Ванцзином на ремонт дамб, администратор должен был отдавать вам три десятых...

Улыбка на лице чиновника застыла.

— А ещё, — ровным тоном продолжил Жун Цунцзинь, — всё то, что вы годами выжимали из простого народа... Я говорил с вдовой господина Лю Цюаньлиня. Она рассказала, что её муж тайно собирал доказательства ваших преступлений. Вот они.

Жун Цунцзинь помахал перед ним счётной книгой. Когда он отправился проверять состояние рек в уездах, помощник наместника посылал людей обыскать и павильон Сунцзянь, и резиденцию наместника. Тогда-то Цунцзинь и понял, что у наместника должна быть своя книга учёта.

Его люди следовали за людьми помощника наместника, как иволга за богомолем. Те несколько дней усердно искали и наконец нашли книгу в тайнике за антикварной полкой. Тогда-то люди Цунцзиня и оглушили их, забрав трофей.

Администратор Ичжоу, может, и был бездарным чиновником, но счета вёл отменно. Кто, когда и сколько ему подносил, как он делил взятки с коллегами — всё было записано с предельной точностью.

Увидев вторую счётную книгу, администратор побледнел как смерть. Его тучное тело сползло на пол. Обливаясь потом, он принялся биться головой оземь.

— Господин, пощадите! Пощадите!

— Я был одержим, рассудок мой помутился. Если господин сохранит мне жизнь, я отдам вам половину... нет, всё своё серебро! — Помощник наместника бился лбом о каменные плиты так, что вскоре на полу расплылось кровавое пятно. — Умоляю, господин, во имя моего усердия в последний месяц, пощадите!

— Что вы так волнуетесь, господин, — Жун Цунцзинь помог ему подняться. — Я говорю вам всё это лишь по просьбе другого человека...

— Что? — дрожащим голосом переспросил тот. Улыбка Жун Цунцзиня не изменилась, но глаза, похожие на осенние озёра, отражающие звёзды, похолодели.

— Вдова Лю Цюаньлиня просила передать, что её муж ждёт вас на том свете.

— В этой жизни вы погубили его, но в загробном мире, перед судом Ямы, во всём разберутся.

Зрачки помощника наместника судорожно задергались. Охваченный ужасом, он потерял всякое самообладание. Под ним расплылось мокрое пятно, распространяя едкий запах.

Цинь Чжэн выхватил меч и плашмя ударил его по спине. Чиновник вскрикнул от ужаса, и в следующее мгновение меч отсек ему голову.

— Бесполезен, — Жун Цунцзинь отпустил руку чиновника и, встретившись взглядом с его покотившейся по полу головой, отвернулся. Он достал шёлковый платок и, вытерев брызнувшую на руку тёплую кровь, небрежно бросил его на землю. — Утащите его назад. Голову отдайте вдове Лю Цюаньлиня.

Лю Цюаньлинь знал, что, подавая докладную записку в Ванцзин в обход начальства, он подписывает себе смертный приговор. Но он продолжал слать донесение за донесением. Когда четвёртый принц, инспектировавший Ичжоу, нашёл общий язык с наместником и его окружением, Лю Цюаньлинь понял, что его дни сочтены. Но он всё равно продолжал усердно собирать доказательства их взяточничества, надеясь, что однажды они пригодятся...

Когда пришёл указ императора Цзяньюаня, Лю Цюаньлинь с достоинством принял смерть. Но он оставил тлеющий уголёк в пепле, сделав всё возможное, чтобы расчистить путь для тех, кто придёт после него.

— Господин, — Цинь Чжэн вытер меч и, вложив его в ножны, остался стоять перед ним.

— Что такое?

— Я в замешательстве, — понизив голос, сказал Цинь Чжэн, стоя по другую сторону от тела помощника наместника. — Господин, раз вы с самого начала знали, что он замешан во взяточничестве вместе с наместником, почему сразу не бросили его в темницу? Это избавило

бы нас от необходимости убеждать вдову господина Лю.

Вдова Лю Цюаньлиня никому не верила. Им пришлось приложить немало усилий, чтобы заполучить эту счётную книгу. Если бы она не увидела, как господин усмиряет наводнение и как Ичжоу постепенно возвращается к жизни, она бы ни за что не отдала эту книгу, омытую кровью её мужа.

— У таких негодяев свои способы выживания. К тому же, мы здесь чужаки. Пусть у нас и есть статус посланников из Ванцзина, неужели мы должны убивать всех, кто нам не подчиняется?
— Лучший способ — выжать из них всю пользу, а затем выбросить.

Если бы этот помощник наместника был умнее, он бы понял, что день, когда бедствие в Ичжоу будет устранено, станет днём его смерти.

— Общайте и его поместье. Пятьдесят тысяч лянов, вместе с деньгами наместника, пустите на строительство домов для жителей Ичжоу. Остальное погрузите в повозки и везите в Ванцзин.

— Собирайте вещи, мы отправляемся.

Последний дом в Ичжоу был достроен. Пришло время уезжать. Жители провожали их на протяжении сотен ли и лишь потом с неохотой повернули назад. Путь в Ичжоу они проделали налегке, верхом, но теперь, с дюжиной повозок, гружённых золотом и серебром, приходилось двигаться медленнее.

Карета вдовы Лю Цюаньлиня и её сына ехала в середине каравана. Когда они достигли провинции Чжили, один из её слуг, воспользовавшись остановкой, подошёл к карете Жун Цунцзиня и постучал в окно.

— Господин, наша госпожа просит вас о встрече.

— Попросите её подождать, я сам к ней подойду, — ответил Жун Цунцзинь из кареты. Он уже снял заколку и собирался было отдохнуть, но, услышав просьбу, велел Фу Тун снова собрать ему волосы.

Пройдя мимо нескольких карет, он подошёл к той, где занавеска была приподнята. Внутри сидел Люй Цзюйчжэн и серьёзным тоном говорил с вдовой господина Лю:

— Возвращайтесь спокойно. Когда доберётесь до старого дома, напишите мне. О деньгах не беспокойтесь. Главное, воспитайте его...

Жун Цунцзинь намеренно зашагал громче. Люй Цзюйчжэн выпрыгнул из кареты, поклонился ему и поспешил к себе.

— Госпожа, — поклонился Жун Цунцзинь, стоя у кареты.

— Господин, не стоит церемоний, — раздался мягкий, чуть хрипловатый голос. Занавеска откинулась, и красивая женщина средних лет в простом платье и с незатейливой причёской сказала: — Прошу, входите.

Жун Цунцзинь сел в углу кареты. Женщина обнимала мальчика лет десяти с двумя пучками волос.

— Мы не поедem с караваном в Ванцзин, — тихо сказала она. — Старый дом покойного мужа находится в Чжили, мы решили вернуться туда.

— Это хорошее решение, — кивнул Жун Цунцзинь. — Я велю отряду солдат сопровождать вас.

— Господин не станет нас удерживать? — с любопытством спросила госпожа Лю. Всю дорогу господин Цун был к ним так добр и заботлив, что она сочла своим долгом сначала известить его о своих планах, а не просто уехать.

— Он ещё так мал, ему нужен покой, — Жун Цунцзинь коснулся руки мальчика. — Думаю, господин Лю не стремился к славе и богатству, а лишь желал мира своей семье.

— Да... — в ясных миндалевидных глазах госпожи Лю блеснули слёзы. Но мальчик, сидевший в её объятиях, упрямо заявил:

— Я тоже стану чиновником. Таким же хорошим, как мой отец.

— Ты! — госпожа Лю занесла руку для удара, но, встретившись с решительным взглядом, точь-в-точь как у покойного мужа, не смогла опустить её и лишь вздохнула: — Судьба...

— Не переживайте, госпожа. Возможно, в будущем нравы при дворе станут чище, — утешил её Жун Цунцзинь и, повернувшись к мальчику, мягко спросил: — Как тебя зовут?

— Лю Чанхун.

— Хорошо, — сказал Жун Цунцзинь. — «Как воробью понять стремления лебедя?» Но ты должен знать: благородный муж совершенствует себя, управляет семьёй и приводит в порядок Поднебесную. В любом деле важна основательность, нельзя торопиться. Заботиться о малой семье и править Поднебесной — оба дела велики.

Мальчик непонимающе кивнул. Госпожа Лю прижала его к себе. Жун Цунцзинь вышел из кареты. Караван разделился: один отряд сопровождал карету госпожи Лю, которая медленно удалялась.

Увидев вдали высокие ворота Ванцзина, Жун Цунцзинь невольно улыбнулся.

Гу Чжао давно хотел его встретить, но наследный принц запретил. Личность Жун Цунцзиня держали в секрете, и афишировать его появление было нельзя. Карета въехала в резиденцию наследного принца. Прождав некоторое время, Жун Цунцзинь наконец смог пересест в карету, направлявшуюся в резиденцию князя Жуй, — под предлогом того, что принцесса-консорт наследного принца по обыкновению отправляет князю сладости.

Жун Цунцзинь неожиданно для себя почувствовал волнение. Он пригладил волосы, расправил складки на одежде. Как ни старайся, после долгой дороги вид у него был потрепанный. Накануне, в гостинице, он, взглянув в зеркало, на мгновение не узнал себя.

Карета со скрипом остановилась во дворе княжеской резиденции.

В проём протянулась рука — с чёткими суставами и округлыми подушечками пальцев. Жун Цунцзинь, помедлив мгновение, вложил в неё свою ладонь. Рука тут же крепко сжала его, и сквозь их переплетённые пальцы, казалось, можно было почувствовать биение сердца.

Едва он подошёл к краю кареты, не успев нащупать ступеньку, как его подхватили на руки, и мир на мгновение закружился. В сердце осталась лишь чистая, незамутнённая радость.

— Цунцзинь! — раздался рядом низкий, нежный голос. Он обернулся. Юноша, который перед отъездом в Ичжоу был с ним одного роста, теперь возвышался над ним на целую голову. Мечевидные брови, звёздные глаза, несравненная красота. Сильные руки обнимали его, в ямочках на щеках пряталось солнце, а взгляд, устремлённый на него, был полон сосредоточенной, испепеляющей любви.

Подобен нефриту, скрытому в горе, подобен сосне, стройной и зелёной.

Глядя на него, Жун Цунцзинь почувствовал, как уходит усталость. Он опустил глаза, и его светлые уши зарделись румянцем.

Перед отъездом в Ичжоу Гу Чжао был для него ещё не повзрослевшим, по-детски наивным юношей. Теперь же перед ним стоял прекрасный, стройный, как молодой бамбук, и статный господин.

Он и раньше не скрывал своих чувств, но, увидев Гу Чжао таким мужественным и красивым, почувствовал, как сердце забилось чаще.

Гу Чжао долго смотрел на него, потом кончиками пальцев коснулся его щеки и тихо произнёс:

— Ты так похудел.

— Это Фу Тун о тебе плохо заботилась? — спросил он. Фу Тун, спускавшаяся следом с узелком, уже готова была возразить, но Гу Чжао, понизив голос, добавил: — Я больше никогда с тобой не расстанусь. Я буду о тебе заботиться.

Как же он завидовал Фу Тун! Возможность просто быть рядом с его принцессой-консортом — даже в роли служанки — была лучше, чем быть князем.

Жун Цунцзинь хотел было расспросить его о жизни в Ванцзине, но не успел он и рта раскрыть, как Гу Чжао подхватил его на руки и понёс через внутренний двор, по резной галерее, прямо в спальню.

— Никому не входить, — бросил он через плечо.

Би Тао и Фу Тун остались за дверью.

Гу Чжао опустил свою принцессу-консорта на кровать. Лёгкий, как дым, полог опустился, скрывая их от посторонних глаз. Гу Чжао целовал и целовал его губы, а потом глухо прошептал:

— Я так скучал.

— Я... — Жун Цунцзинь обнял его за плечи. Поцелуи Гу Чжао были нежными, лишёнными похоти, словно он прикасался к драгоценности. На мгновение он поддался этому трепетному чувству и тихо ответил: — Я тоже скучал.

В Ичжоу, днём и ночью, стоя на вершинах гор, обозревая разлившиеся реки, склоняясь над бумагами, — он думал только о Гу Чжао.

«На рассвете смотрю на небо, в сумерках — на облака. И в пути, и в покое — думаю лишь о тебе».

<http://bllate.org/book/13698/1587495>